

9(47.7)
П 127

Падалка А.В.

М.Падалка

Над великим лугом Днепровским

25678

кр 58

9 (47. 713)

П - 127

иср

иср

М. Падалка.

НАДЪ ВЕЛИКИМЪ ЛУГОМЪ ДНѢПРОВСКИМЪ.

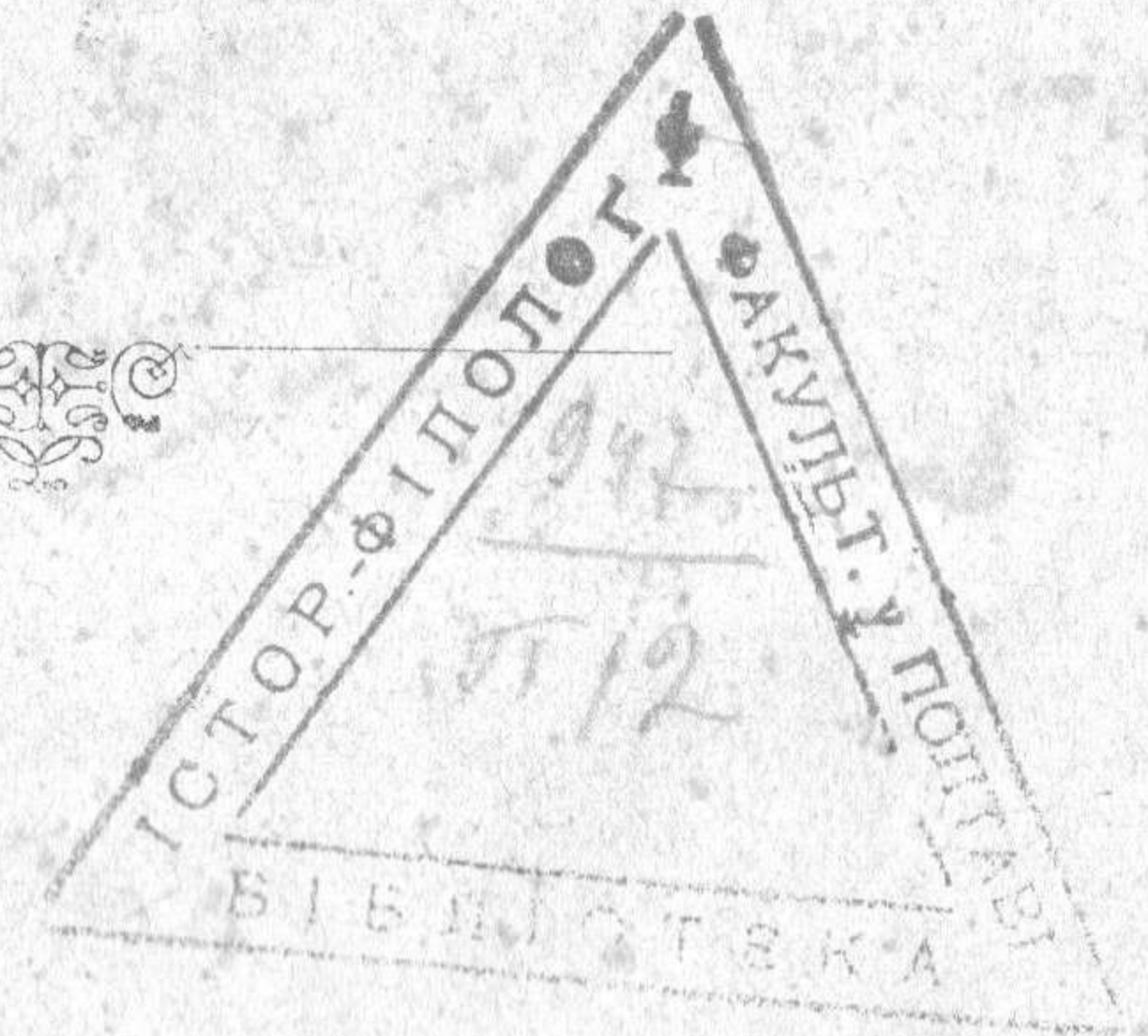
942.4
П-12

(ИЗЪ ПУТЕВЫХЪ ЗАМѢТОКЪ).

Оттискъ изъ журнала „Кіевская Старина“.

1071
1102
25618

Кіевъ, типографія Императорскаго Университета Св. Владиміра
Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Мих. ул., д. № 4-й.
1897.

почти сплошное море бѣлаго съ желтоватымъ отливомъ песку. Мертвымъ представляется это „татарское“ побережье между синимъ небомъ и могучимъ Днѣпромъ, шумно катящимъ волны и богатырски роющимъ лѣвый берегъ.

Высадившись въ Никополѣ, прежде всего мы добивались до мѣста „Мыкытыного Рога“, на которомъ, по мнѣнію изслѣдователей Запорожья, была Запорожская сѣчь. Съ однимъ Никопольскимъ старикомъ матросомъ пришли мы на высокій берегъ днѣпровскаго протока Орловой и узнали, что мѣста, гдѣ стояли кошемъ древніе козаки, уже нѣтъ теперь, такъ какъ оно размыто Днѣпромъ: „вода забрала“; старикъ еще помнитъ холмикъ надъ кручею съ небольшой капличкой на мѣстѣ старой Запорожской церкви¹⁾. На томъ мѣстѣ давно уже бушуютъ волны глубокаго Днѣпровскаго протока, всякій годъ все дальше размывающаго высокій Никопольскій берегъ. О подробностяхъ жизни запорожцевъ на Микитиномъ Рогѣ нашъ собесѣдникъ ничего интереснаго не сообщилъ намъ, выражая сожалѣніе и какъ бы оправдываясь передъ нами, что „замолоду“ онъ не вслушивался въ рассказы своего дѣда про Запорожцевъ. Передалъ онъ довольно распространенныя въ этихъ мѣстахъ и неоднократно записанныя уже легенды о храбрости и неустрашимости запорожцевъ, о богатствѣ края въ то время, когда они здѣсь жили, и проч.

Но всѣ эти рассказы, неотличающіеся опредѣленностью, сопровождались осторожнымъ старикомъ вставками: „кажутъ люди, а Богъ его зна, як воно було“.

На пути къ окопамъ въ юго-восточной части Никополя на городскомъ выгонѣ обращаетъ на себя вниманіе огромный, крутой курганъ.

Курганъ этотъ, одинъ изъ 12 расположенныхъ въ безпорядкѣ на высокой плоскости почти надъ самымъ Днѣпромъ, называется „Высокою могылою“. Курганъ дѣйствительно высокъ достигая черезъ вершину 120-ти шаговъ. Съ вершины его от-

крывается необыкновенно широкой горизонтъ: отсюда видны Старая сѣчь, Каменный затонъ, огромное Бѣлое озеро и крутая гора Мамай-Сурка, кажущаяся съ вершины кургана грандіознымъ трезубцемъ; огромное пространство Великаго луга съ густою сѣтью безчисленныхъ Днѣпровскихъ протоковъ, видно отсюда, какъ на ладони. Стоя на вершинѣ этого кургана, понимаешь не только его похоронное, но и стратегическое значеніе въ ту пору, когда сосѣднія степи кипѣли войной. Пригоднымъ въ стратегическомъ отношеніи могъ быть этотъ курганъ и въ то время, когда близъ Никитиного Рога стоялъ козацкій лагерь въ гетманство Самойловича.

Слѣды, правдоподобно, этого послѣдняго лагеря и уцѣлѣли до нашихъ дней нѣсколько въ сторону на юго-западъ отъ описаннаго кургана, на мѣстѣ Никопольскаго кладбища. Мѣсто, занятое окопами, тянется, насколько намъ удалось прослѣдить, на протяженіи 1½—2 квадр. верстъ. Окопы представляютъ осунувшіяся малозамѣтныя насыпи съ такими же рвами. Схему окоповъ, во многихъ мѣстахъ покрытыхъ густымъ „вишникомъ“ и мѣстами совсѣмъ прерывающихся подъ различными вліяніями въ 2 протекшія столѣтія, опредѣлить теперь довольно трудно. Впослѣдствіи мы нашли лишь описаніе этихъ окоповъ, напечатанное о. Карашнымъ въ „Трудахъ Одесскаго общ. исторіи и древностей“.

При содѣйствіи мѣстнаго священника была осмотрѣна нами утварь Никопольской церкви, въ которой сохранилось довольно много предметовъ отъ времени Запорожья. Предметы эти много разъ уже описывались, какъ и тѣ „сволоки“ изъ запорожскихъ куреней, которые до настоящаго времени уцѣлѣли въ двухъ хатахъ Никопольскихъ старожиловъ. Перемѣщеніе значительной части церковной утвари изъ сѣчевой церкви въ Никопольскую, а также и сѣчевыхъ построекъ въ Никополь побуждаютъ заключать, что Никополь послѣ атакванія Покровской сѣчи и бѣгства запорожцевъ за Дунай сдѣлался важнѣйшимъ центромъ оставшагося на мѣстѣ козачества.

Изъ Никополя лежалъ намъ путь на мѣсто Новой Сѣчи (Покровской), отстоящей отъ этого города верстъ на 20. Прохо-

¹⁾ Нынѣшняя Никопольская церковь, уже очень ветхая, построена въ 1792 году.

дили мы сперва через село Лопанку, тянущуюся въ длину версть на 7. За Лопанкой дорога въ Покровское идетъ привольною, слегка холмистою, степью, усѣянною многочисленными небольшими курганами. При входѣ въ Покровское, прежде всего обращаетъ на себя вниманіе каменный крестъ, поставленный надъ могилою кошевого Степана Гладкаго. Въ усадьбѣ церковнаго дома находился остатокъ старины запорожской: намъ здѣсь показали не глубокую, почти доверху засунувшуюся яму на мѣстѣ стоявшей здѣсь Сѣчевой пушкарни. Былъ съ нами и церковный староста, старикъ съ сѣдой бородой и длинными, совершенно бѣлыми волосами, напоминавшій своимъ лицомъ „ликъ“, какіе встрѣчаются на иконахъ старинныхъ иконописцевъ. Старикъ этотъ рассказывалъ намъ: что мы стоимъ на мѣстѣ той самой „ямы“, въ которой заключались провинившіеся сѣчевики по приговорамъ старшинъ. Въ Покровской церкви съ особымъ почетомъ хранятся кіотъ, сооруженный отаманомъ Брюховецкаго куреня Василиемъ Шиломъ въ 1769 г., небольшая икона Покрова Богоматери, со святыми въ одеждѣ запорожцевъ, какъ и въ Никопольской церкви, и 5 „стояновъ“ у западной церковной стѣны, предназначавшихся нѣкогда для стоянія въ церкви сѣчевыхъ старшинъ¹⁾. Сохранилось много ризъ, подризниковъ и другихъ церковныхъ облачений, оставшихся еще отъ времени запорожцевъ. На хорахъ сложены старыя запорожскія иконы безъ всякихъ слѣдовъ живописи, разрушенной временемъ; здѣсь находятся остатки самыхъ древнихъ ризъ, а также старыя желѣзные подсвѣчники, деревянныя тарелки и прочая очень древняя утварь. Изъ этихъ остатковъ старины останавливается вниманіе между прочимъ на листѣ въ деревянной рамкѣ, гдѣ написаны ноты съ текстомъ церковной пѣсни: „О тебѣ радуется, Благодатная, всякая тварь“. Надъ этимъ пылью покрытымъ листомъ бумаги нѣкогда трудился какой-нибудь старецъ, учитель Сѣчевой школы, для того, чтобы торжественно выставить ее передъ хоромъ пѣвчихъ въ Сѣчевой церкви.

¹⁾ Стояны—полушкафы съ круглымъ вырѣзомъ въ верхней доскѣ высотой около 2 арш.

Прощаясь съ нами, церковный староста задумчиво спросилъ: „Такъ вы, паньчи, Запорожье прійшли одшукувать?“. Мы промолчали, а старикъ продолжалъ: „То-то й писня йе старынна: „Сплюндрувалы Запорожье, а колысь буде треба“. По указанію церковнаго старосты отправились мы на мѣсто древней сѣчевой церкви, занятое въ настоящее время огородомъ одной крестьянской семьи, въ которой по словамъ старосты была словоохотливая старуха, хранившая въ своей памяти Запорожскія преданія.

Прійдя и расположившись подъ хатой на отдыхъ, въ огородѣ завидѣли мы „каплицу“, какія обыкновенно ставятся на мѣстахъ престоловъ прежде существовавшихъ церквей. Скоро подошла къ намъ старуха, державшаяся, какъ хозяйка „осели“. Поздоровавшись, мы вынуждены были прежде всего разуверять нашу собесѣдницу, что мы не гробокопатели. Дѣло въ томъ, что покровскіе жители при нашемъ появленіи въ село приняли насъ за гробокопателей, вспоминая пребываніе здѣсь нѣкоторыхъ туристовъ, раскопавшихъ нѣсколько запорожскихъ могилъ.

Старуха повела насъ къ капличкѣ, тщательно выбѣленной, съ заново-выкрашенной желѣзной крышей, и вообще содержимой съ большимъ вниманіемъ.

„Пидь велькый праздныкъ и покадыло тутъ, а литомъ Богу помолымось“, говорила старуха, когда мы остановились у каплицы.

Въ разговорѣ со старухой заинтересовало насъ частое употребленіе качественного прилагательнаго „бравый“. Придавала она ему значеніе хорошаго, прочнаго, дорогаго и во многихъ другихъ положительныхъ смыслахъ. Очевидно, слово это на мѣстѣ былой сѣчи—прямое наслѣдіе „браваго“ козачества. На это козачество подъ конецъ и перешель разговоръ. Но въ памяти старухи остались только смутныя обрывки тѣхъ сказаній, какія когда то приходилось ей слышать о запорожцахъ. Вотъ одинъ изъ подобныхъ отрывковъ: „Найшло москаля, якъ травы. Тоди въ кручу на Пидпыльни такы зализлы тры козаки, тай перекадають бомбы одынъ другому, а дали и кажуть кошовому:

позволь, батьку—отамане, москаля протурты. А винъ не позволявъ,—тай то й не стало запорожъя“.

По указанію старухи отправились мы въ одну усадьбу, гдѣ должны были найти слѣды запорожскаго вала. Напасть на эти слѣды было не трудно, такъ какъ и теперь валы эти довольно высоки. Мы обратились къ хозяину одной изъ хатъ, примыкавшей къ мѣсту, гдѣ валъ этотъ наилучше сохранился. Новый нашъ собесѣдникъ, человекъ среднихъ лѣтъ, рассказалъ намъ, что въ этихъ валахъ находятъ много бомбъ, мѣдные „гузи“ (пуговицы), гончарныя люльки, различныя пряжки и т. д.

О запорожцахъ и этотъ нашъ собесѣдникъ не умѣлъ разсказать что нибудь законченное и правдоподобное. „Характерныки были запорожци, кажутъ стари люде,—та таки, що посла ихъ и на свити не стало тьи поведенціи: простелють було свыту на Пидпильній, поставлять барыло зъ горилкою и коряки заберуть,—сядутъ кружкомъ на свыти, плывуть куды треба; и горилку пьютъ. Отаки были запорожци,—вони щось знали“.

Назначеніе осматриваемыхъ валовъ было ясно: эти валы, огибая мѣсто Старой Сѣчевой церкви на недалекомъ отъ него разстояніи, обоими концами опирались въ рѣку Пидпильну; очевидно, это были валы, окружавшіе внутренній городокъ Сѣчи. Подъ конецъ обслѣдованія вала мы заговорили о томъ, что хорошо было бы провести конецъ дня у кого нибудь изъ селянъ, чтобы услышать воспоминанія о запорожцахъ и старинныя козацкія пѣсни. Долго перебиралъ нашъ собесѣдникъ въ памяти покровскихъ пѣвцовъ, и наконецъ остановился на Дубыныхъ.— „Ота заспивае, якъ схоче,—тамъ такихъ щырыхъ запорожскихъ писень знае, що и дидь теперъ мало якый знае; и гласомъ Богъ надилывъ, по батькови,—такий спивака бувъ покойный, що вславывся на всю округу. Дубыныха, бачте, мени родычкою доводьтся, то часомъ въ кумпанствіи прыходьлось писень ии чуты... Та чи розбере ии охота спивать въ Петривку?“.

Пошли попытать счастья.

Дубыныха—вдова, мать большой семьи. Просторная хата, комора изъ брусевъ, 2 повитки въ глубинѣ двора свидѣтель-

ствовали объ умѣньи Дубыныхы справляться съ хозяйствомъ; да это видно было и по ея энергичному лицу. Мы пришли въ то время, когда хозяйка занята была приготовленіемъ борошна для печенья хлѣба на другой день. Это въ селѣ важное дѣло, при которомъ не обращаютъ вниманія на случайныхъ гостей. Не записали мы отъ Дубыныхи ни одной пѣсни; по случаю поста она наотрѣвъ отказалась пѣть, а рассказывать пѣсни на словахъ она не могла, такъ какъ пѣсенныя слова она легко припоминала только при пѣніи.

Поздно вечеромъ мы возвратились въ гостепріимный домъ священника. На другой день мы осматривали бывшую запорожскую бухту, находящуюся неподалеку отъ церкви. Въ настоящее время—эта бухта представляетъ круглое саженой 50 въ діаметрѣ озеро, обмелѣвшее отъ ежегоднаго замуливанія; но узкій протокъ и теперь соединяетъ этотъ слѣдъ бухты съ рѣчкою Пидпильною, такъ что общее очертаніе бухты вполне сохранилось,—маленькій каючокъ и теперь изъ Пидпильной свободно проходитъ черезъ узкій, неглубокій протокъ въ бывшую сѣчевую гавань, куда въ былыя времена заходили и суда греческихъ купцовъ, приплывавшихъ изъ-за моря. Отсюда въ каюкъ по Пидпильной отправились мы въ городище, находящееся близъ Покровскаго въ великомъ лугѣ. Городище очень старинное; такъ прозвали эту мѣстность съ незапамятныхъ временъ.—(Чертевь А., Новая Сѣчь). Городище находится на островѣ, который обтекаетъ съ двухъ сторонъ рѣчка Пидпильна, дѣлающая здѣсь крутой поворотъ на западъ, съ третьей стороны къ острову примыкаетъ протокъ „Похылова ричка“, соединяющая Пидпильну и Базавлукъ, а съ 4-й—узкій въ настоящее время безымянный протокъ, соединяющій Пидпильну съ Похыловой. Островъ этотъ занимаетъ площадь десятинь въ 50, представляя на большую половину низменность, обыкновенно заливаемую въ весеннее половодье. Остальная часть острова, къ которой и относится названіе „городище“, довольно возвышенна; эта часть острова выступаетъ постепенно поднимающимся мысомъ въ безымянный протокъ между Пидпильною и Похыловою. На возвышенности находится группа небольшихъ могилокъ, по величинѣ не отли-

чающихся отъ обыкновенныхъ могилъ на теперешнихъ кладбищахъ, кромѣ одной, развѣ въ 6 большей, чѣмъ современныя могильныя насыпи. Другихъ слѣдовъ пребыванія людей на островѣ нѣтъ. Ни теперь, ни въ прежнее время, сколько запомнятъ Покровскіе старожилы, не находили здѣсь никакихъ остатковъ старины. Наибольшая могила разрыта кладоискателями, но могильныя кости, правдоподобно, не выброшены, — выбрасывать кости изъ могилъ считается здѣсь тяжкимъ грѣхомъ, и если въ поискахъ за кладомъ докапываются до костей, то обыкновенно немедленно снова ихъ зарываютъ. Это городище не описывается ни въ одномъ изслѣдованіи, можетъ быть, потому, что на немъ не сохранилось никакихъ остатковъ далекой старины (могила на городищѣ могутъ относиться къ позднѣйшему періоду запорожья). Но городище это стоитъ вниманія изслѣдователей: быть можетъ, этотъ островъ, лежащій между Пидпильной и Базавлукомъ, и есть тотъ самый Базавлукъ, на которомъ Эрихъ Лассота напелъ въ 1594 г. лагерь запорожцевъ.

Изъ городища черезъ великій лугъ мы направились на Базавлукъ съ тѣмъ, чтобы побывать на старожитномъ запорожскомъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ с. Грушевка херсонскаго уѣзда. По дорогѣ предположено было завернуть въ одну плавню въ глубинѣ великаго луга, гдѣ сидѣлъ при рыбномъ заводѣ самый старый дѣдъ изъ покровскихъ стариковъ. „Керовнычый“ нашъ, не смотря на свои 14 лѣтъ, оказался большимъ знатокомъ безчисленныхъ протоковъ въ великомъ лугѣ, и каюкъ, искусно направляемый, быстро скользилъ по водѣ изъ одного протока въ другой подъ зелеными вербами, сплошь почти покрывающими низкіе плавневые острова. Мы причалили къ небольшому острову. Возлѣ куреня на солнышкѣ грѣлся сѣдой дѣдъ Иванъ Покотыло, на поиски котораго мы и отправились въ плавни.

Дидъ Покотыло пѣть не могъ по старости, а словами пересказалъ намъ двѣ пѣсни особенно любимыя на быломъ запорожьи: „Ой изъ-за горы, зъ лыману витерь повивае“ и „Ой, Боже жъ нашъ мылостывый, що намъ, братця, тецерь наробылы“.

Немного спустя мы были уже за Базавлукомъ въ селѣ Грушевкѣ. Направились мы къ хатѣ крестьянина Ханенка, въ

усадебѣ котораго осмотрѣли каменный крестъ надъ братчикомъ Григоріемъ Нивитовичемъ. Видѣли здѣсь и другой запорожскій крестъ, стоящій нынѣ на старомъ кладбищѣ. Грушевцы тоже приняли насъ за кладоискателей, допуская, что мы пришли изъ-за Дуная, такъ какъ теперь разстояніе не можетъ служить препятствіемъ: „железный кинь скоро домчыть“. Убѣдить въ дѣйствительной цѣли нашего прибытія на запорожское „кышло“ намъ не удалось, и старинной козацкой сабли, хранившейся у одного здѣшняго жителя намъ не показали, повидимому, изъ опасенія, что-бы она не была нами отобраана, что, къ сожалѣнію, случалось здѣсь съ древностями, особенно, если на слѣды ихъ нападалъ кто-нибудь изъ чиновниковъ. Въ семействѣ, гдѣ мы тщетно справлялись о козацкой саблѣ, былъ старикъ, которому считали больше ста лѣтъ. Старикъ этотъ еще свободно двигался, но могъ только дѣтей нянчить. За этимъ занятіемъ мы и застали его въ садикѣ за хатою. Когда заговорили со старикомъ, онъ какъ будто не понималъ насъ. Только спустя нѣкоторое время старикъ началъ отвѣчать на наши вопросы. Заговорили, наконецъ, о запорожцахъ. Лицо старика засвѣтилось радостью, рѣчь оживилась, и онъ долго рассказывалъ намъ о мести запорожцевъ Савѣ Чалому за руйнованье запорожскаго „гарду“, о походахъ козацкихъ въ Польшу, объ удали запорожцевъ, о богатой добычѣ, съ какой они назадъ возвратились въ свое Запорожье. Рѣчь старика сопровождалась въ нѣкоторыхъ мѣстахъ речитативомъ текста изъ козацкихъ думъ и пѣсенъ. Нѣсколько лѣтъ назадъ, когда еще служила ему память, онъ былъ, по словамъ пожилаго уже его сына, большимъ знатокомъ старинныхъ пѣсенъ и мастеромъ пѣть ихъ. Мы вслушивались съ огромнымъ интересомъ въ это едва внятное пѣніе, переполненное самымъ глубокимъ чувствомъ.

На слѣдующій день былъ осмотрѣнъ нами наружный сѣчевой валъ, защищавшій Сѣчь со стороны степи, — онъ тянется на краю нынѣшняго села Покровскаго, верстахъ въ 2 отъ мѣста старой сѣчевой церкви.

Мы двигались дальше за село по направленію къ плавнѣ (на сѣверо-западъ), куда привлекали насъ слѣды запорожскаго

зимовника у огромнаго стараго дуба, единственнаго на всемъ побережьѣ покровской плавни. Подъ дубомъ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ была землянка, можно видѣть теперь почти засунувшуюся отъ времени яму, поросшую крапивою и камышемъ; вблизи этой ямы находится другая продолговатая, вѣроятно, слѣдъ погреба для пчель. Вокругъ этой мѣстности растетъ много старыхъ дикихъ грушъ и замѣтны пни когда-то росшихъ здѣсь яблонь. По дорогѣ встрѣтили мы объѣздчика, который и рассказалъ намъ преданіе объ этомъ зимовникѣ. Преданіе это довольно типично, какъ легенда о кладѣ, и мы его приводимъ.

Въ этомъ зимовникѣ жилъ, будто-бы, очень богатый, но скупой запорожець. Денегъ своихъ онъ не пожертвовалъ ни на церковь, ни въ монастырь, и доживалъ вѣкъ, какъ самый послѣдній сиромеха. Былъ у этого запорожца молодыкъ, присматривавшій за его хозяйствомъ. Этотъ молодыкъ зналъ, гдѣ старый запорожець закопалъ свой кладъ, но зналъ также и то, что кладъ этотъ заклятъ, такъ что и брать его опасно. Когда умеръ запорожець, молодыкъ придумалъ взять окоченѣвшую руку запорожца, чтобы его же рукою взять его кладъ. Разрывая кладъ, знавшій заклинанія молодыкъ приговаривалъ, „чья рука загрибала, та и одгрибае и мени дае“. „На цей часъ, рассказывалъ объѣздчикъ, нагодився запорожець зъ другого зимовника, прогнавъ того молодыка и гроши отдавъ на церковь. Отакъ дидъ було розказують про цей зимовникъ“.—На четвертый день нашего пребыванія въ Покровскомъ оставляли мы это село съ объемистыми тючками, нагруженными пулями, запорожскими кафлями, люльками, древними монетами (башлычеамы), гузями и тому подобными предметами запорожской старины.

Изъ Покровскаго прямая дорога въ д. Капуловку, на мѣстѣ Старой (Сѣрковой) Сѣчи. Въ Капуловкѣ, въ усадьбѣ крестьянина Николая Мизая, находится: „Сиркова могила“. Могила славнаго запорожскаго кошеваго Сѣрка представляетъ значительный холмъ, въ нѣсколько десятковъ разъ превосходящій величиною обыкновенную современную могилу. Могила, къ чести владельца усадьбы, содержится въ большомъ порядкѣ: вокругъ нея разсажены тополи, осокоры и шелковичныя деревья съ кустами

сирени и крыжовника. Могила поросла зеленой травой съ душистымъ „чебрыщемъ“ и выросшею кой-гдѣ стройной нехворощью. На востокъ отъ могилы надъ Чертомлыкомъ раскинулись капуловскія хаты; за Чертомлыкомъ протянулись безконечныя плавни—Великій лугъ, „батько запорожскій“; въ направленіи къ юго-востоку виднѣлись верхушки вербъ, растущихъ на Старой козацкой Сѣчи. Тихо на могилахъ. Только перешептываются листья на осокорахъ, развѣсившихъ свои вѣтви надъ могилою, да созрѣвающіе колосья на полѣ, раскинувшемся къ западу за могилою, будто смущенно переговариваются другъ съ другомъ, будто шепчутся о своей долѣ, которая привела ихъ рости близъ могилы славнѣйшаго козака.

Послѣ могилы Сѣрка посѣщено было нами небольшое запорожское кладбище, на которомъ находится теперь 4 каменныхъ креста, поставленныхъ надъ козаками, опочившими въ 1728 и 1729 году. Здѣсь погребены козаки, умершіе во время „агорянскаго плѣна“, какъ выражались запорожцы о времени существованія запорожскаго на татарской сторонѣ въ нынѣшнихъ Алешкахъ таврической губерніи. Очевидно, они завѣщали себя „поховать въ ридну землю“. О такихъ завѣщаніяхъ говорить Скальковскій въ своей исторіи Новой Сѣчи и Стороженко въ своихъ путевыхъ замѣткахъ.

Впослѣдствіи мы встрѣчали въ Капуловкѣ въ усадьбѣ крестьянъ запорожскіе кресты съ чуть примѣтными надписями на нихъ. Подробно они описаны въ запискахъ Стороженка и въ трудѣ Эварницкаго о запорожьѣ.

Съ запорожскихъ могилъ прямой путь на островъ Старой Сѣчи, которую мѣстные жители называютъ Главною Сѣчью, столицею запорожскою. На Покровскую Сѣчь мѣстные жители смотрятъ, какъ на второстепенный центръ Запорожья. „Настояща Сичъ на острови у Капуловци“, не далеко отъ того мѣста „де Сирко похованный“.

Такой взглядъ на Старую и Новую Сѣчь объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что Старая Сѣчь дѣйствительно окружена ореоломъ славы козацкой. Живя въ Новой (Покровской) Сѣчи, запорожское товарищество никогда не достигало той мощи и

значенія у сосѣдей, съ какими являлось оно отъ времени непо-
бѣдимаго въ войнахъ Сѣрка и до удалаго Кости Гордѣенка,
послѣдняго кошевого на Старой запорожской Сѣчи. Въ Покров-
ской Сѣчи вольности козацкія чѣмъ дальше, тѣмъ больше урѣзы-
вались. Потому и симпатіи тѣснимои и недовольной военной
запорожской общины могли быть направлены исключительно
къ Старой Сѣчи. Такое отношеніе со времени Новой Сѣчи могло
переходить отъ поколѣнія къ поколѣнію и дойти до нашихъ дней.
Къ тому же Старая Сѣчь особенно богата различными остатками
старинны, какъ современной запорожской, такъ и относящейся
къ предшествующимъ эпохамъ, не различаемымъ теперешними
жителями Сѣчей.

На сѣчевомъ островѣ еще и теперь находятъ очень много
монетъ то изъ низко-пробнаго серебра, то изъ металлическаго
сплава, имѣющаго видъ олова; преобладаютъ монеты татарскія
второй половины 16-го и первой половины 17-го вѣка: изрѣдка
встрѣчаются монеты литовскихъ князей (Витовта) и царей рус-
скихъ (Ивана Грознаго, Петра Великаго и проч.). Эти монеты
вываливаются изъ острова въ рѣку, и на берегу р. Лопанки послѣ
половодья капуловскія дѣти обыкновенно собираютъ ихъ въ зна-
чительномъ количествѣ. Въ д. Капуловкѣ мѣстные жители тоже
довольно часто находятъ стрѣлы разныхъ величинъ и видовъ,
древнія кольца и пряжки, рукоятки кинжаловъ, наконечники
копій и проч. Всѣ эти предметы, между которыми встрѣчаются
относящіеся къ бронзовому вѣку, мѣстными жителями принима-
ются за запорожскую „старину“ и еще больше укрѣпляютъ ав-
торитетъ Старой Сѣчи.—Э! тутъ Сичъ була не проста,—раз-
сказывалъ намъ въ Капуловкѣ одинъ старикъ,—якъ почнуть
було отъ съ того боку зъ Мамаевой горы (Мамай Сурка—гора на
Таврической сторонѣ противъ Капуловки) палыть татары, то
кошевый було выйде, подывытся, закруте носомъ, тай каже:
тай воняють же вражи сыны! (тобъ то татары). А нуте лишъ,
хлопци, возьмитъ гакивынци та задайте имъ доброго перцю!“

Названіе „Сиркова Сичъ“ приурочивается теперь исключи-
тельно къ небольшому острову, возвышенному на сѣверо-западъ
и низменному въ юго-восточной своей части. Островъ этотъ

находится въ Великомъ лугѣ на виду д. Капуловки; отъ берега,
гдѣ расположена Капуловка, отдѣляется о-въ широкимъ прото-
комъ Днѣпра рѣчкой Лапанкой, омывающей западную сторону
острова; сѣверо-восточная часть острова омывается Чертомлыкомъ,
восточная—рѣчкою Скарбною, представляющею близъ острова
неглубокое мѣсто, извѣстное также подъ названіемъ Скарбнаго;
южная часть острова омывается очень глубокимъ и необычно-
венно быстрымъ протокомъ Днѣпра, рѣчкою Павлюкомъ. Сѣ-
чевой островъ лежитъ, такимъ образомъ, на средоточіи днѣп-
ровскихъ протоковъ въ великомъ лугѣ. Мѣстные старожи-
лы говорятъ, что въ старину за время Сѣрка островъ этотъ
былъ возвышеннымъ мысомъ, далеко выдающимся въ великій
лугъ; при отакованіи Сѣчи, при кошевомъ Костѣ Гордѣенкѣ,
запорожцы перерѣзали мысъ со стороны степи глубокой кана-
вой,—съэ того времени и образовался здѣсь сѣчевой островъ.
Протокъ между капуловскимъ берегомъ и островомъ долгое
время былъ не широкимъ и не глубокимъ,—умершіе не такъ
давно старики и старухи переходили на островъ по кладкѣ.
Неширокая сперва рѣчка Лапанка обратилась въ очень внуши-
тельную по ширинѣ и глубинѣ рѣчку на глазахъ современныхъ
старожиловъ д. Капуловки. По рассказамъ этихъ старожилловъ,
сѣчевой островъ въ прежнее время былъ значительно больше
по пространству; но съ каждымъ годомъ его все больше и
больше размываютъ многоводные днѣпровскіе протоки. Въ
послѣдніе годы размывается сѣчевой островъ не такъ сильно,
такъ какъ по краямъ его выросли вербы, скрѣпляющіе кор-
нями материкъ острова; вербы и осокори теперь, какъ вѣнокъ,
окружаютъ сѣчевой островъ. Но и оточенный деревьями ост-
ровъ, занимающій площадь около 5 десятинъ, все же размы-
вается, и если не принять мѣръ, то одинъ изъ важнѣйшихъ
южно-русскихъ историческихъ памятниковъ съ теченіемъ вре-
мени можетъ быть окончательно размытъ днѣпровскими водами.
На возвышенной части острова, и теперь представляющей „кру-
чу“, поднимающуюся надъ водою до 4 сажень, по преданію, сто-
яла до передвиженія запорожцевъ въ Алешки сѣчевая церковь.
Отъ нея не осталось и слѣда. Видны теперь въ этой части

острова, два вала длиною сажень въ 15 съ примыкающими къ нимъ совсѣмъ почти осунувшимися рвами, и нѣсколько ямъ, вырытыхъ, правдоподобно, руками кладонскателей. Эта обнаженная поросшая полынью часть острова и теперь выразительно возвышается среди плавней, потянувшихся къ югу и востоку за край горизонта. Почва на островѣ сплошь песковатая; верхній слой возвышенной части острова, по всѣмъ видимостямъ, насыпной: нѣсколько лѣтъ назадъ копали здѣсь яму для ледника, и въ глубину до 2 сажень копали рушенную землю; признакомъ такого происхожденія сѣчевой кручи служитъ также то, что на этой части острова совсѣмъ не растетъ трава. Недавно были попытки еврея арендатора рыбныхъ ловель построить на сѣчевомъ островѣ рыбный заводъ; постройка эта была приостановлена, такъ какъ сѣчевой островъ, какъ историческій памятникъ, составляетъ государственное достояніе.

Въ огородахъ капуловскихъ крестьянъ намъ пришлось затѣмъ видѣть слѣды сѣчевыхъ валовъ и почти заровнявшіяся уже ямы, гдѣ стояли, по преданію, запорожскіе курени.

Плавни Великаго луга представляютъ чудную картину въ июньское утро. Все здѣсь, вмѣстѣ съ только что вставшимъ солнцемъ, дышетъ спокойствіемъ. Зеркальная поверхность воды такъ же неподвижна, какъ и отражающіяся въ ней вербы и протянувшееся надъ ней голубое небо и легкой нѣжный ласкающій воздухъ свѣжаго утра. Вдали турчатъ дикіе голуби, соловьи разливаются самыми разнообразными трелями; вотъ закукала кукушка, гдѣ-то въ тростникѣ закахкала дикая утка, — все пространство плавней, куда достигаетъ глазъ и слышитъ ухо, звучитъ дивнымъ концертомъ; только тоскливый голосъ „крюка“ да пронзительный крикъ иволги время отъ времени нарушаютъ этотъ чудный концертъ. Прозрачныя воды днѣпровскихъ протоковъ неподвижны. Время отъ времени болотное насѣкомое коснется гладкой поверхности воды и, упавъ на воду, образуетъ концентрическіе круги, которые все расгуть и растутъ и затѣмъ исчезаютъ; изрѣдка какая нибудь рыба плеснетъ на поверхности воды и на время оставитъ на ней свой сверкающій слѣдъ, а тамъ опять все спокойно. Солнце уже поднялось и смотритъ съ

высоты лазурнаго неба. По прежнему все кругомъ неподвижно, какъ и тотъ прибрежный камень-великанъ, къ которому прислонился каюкъ рыболова. Камень, извѣстный подъ названіемъ „Строцева камня“, вполне гармонируетъ съ нѣмой картиной Великаго луга, когда съ наступленіемъ дня умолкаютъ пернатые обитатели плавней. Сложилъ ли свою голову у этого Камня Строць, сраженный татарами, или скрывалъ здѣсь свое добро въ трудное время для сѣчеваго братства, или по другой какой-либо причинѣ названъ такъ камень въ Скарбномъ, объ этомъ ничего не говоритъ народное преданіе.

Вечеромъ мы были въ хатѣ Федосія Ткаченка; въ сѣняхъ пылалъ яркій огонь „на кабыци“ передъ которой на низенькихъ скамеечкахъ и вербовыхъ обрубкахъ кружкомъ сидѣло за ужиномъ цѣлое общество, состоящее изъ двухъ крестьянскихъ семей и насъ двухъ. Шли разговоры о рыбѣ, объ арендныхъ платахъ. Капуловская рыба въ вяленомъ видѣ, а иногда свѣжая отправляется въ города Никополь, Александровскъ и другіе. Мало по малу разговоръ перешелъ на тему обычную, когда бывають на мѣстахъ запорожск. Сѣчей „городовыки“, — тему о запорожцахъ. Сосѣдъ нашего хозяина Федосія рассказалъ, что онъ слышалъ отъ своего отца о сѣчевикахъ. Онъ рассказывалъ объ ихъ удали и молодечествѣ, о тѣхъ гульбищахъ, какія устраивались въ Сѣчи послѣ того, какъ козаки возвращались съ богатой добычей изъ турецкой или татарской стороны. Просидѣли мы тамъ до поздней ночи, и крѣпителемъ былъ сонъ подъ „пологомъ“ близъ хаты, подъ развѣсистой грушей. Пологи здѣсь являются незамѣнимыми приспособленіями противъ комаровъ.

На слѣдующій день мы предполагали быть на пасѣкѣ дида Гопа, но такъ какъ уже наступила жатва, то намъ не удалось подыскать спутниковъ, которые сумѣли бы пробраться по безчисленнымъ протокамъ въ плавняхъ, къ мѣсту его пасѣки. Дидъ Гопъ, по слухамъ, интересовалъ насъ знаніемъ старинныхъ запорожскихъ пѣсенъ и своею необычною для старика веселостью.

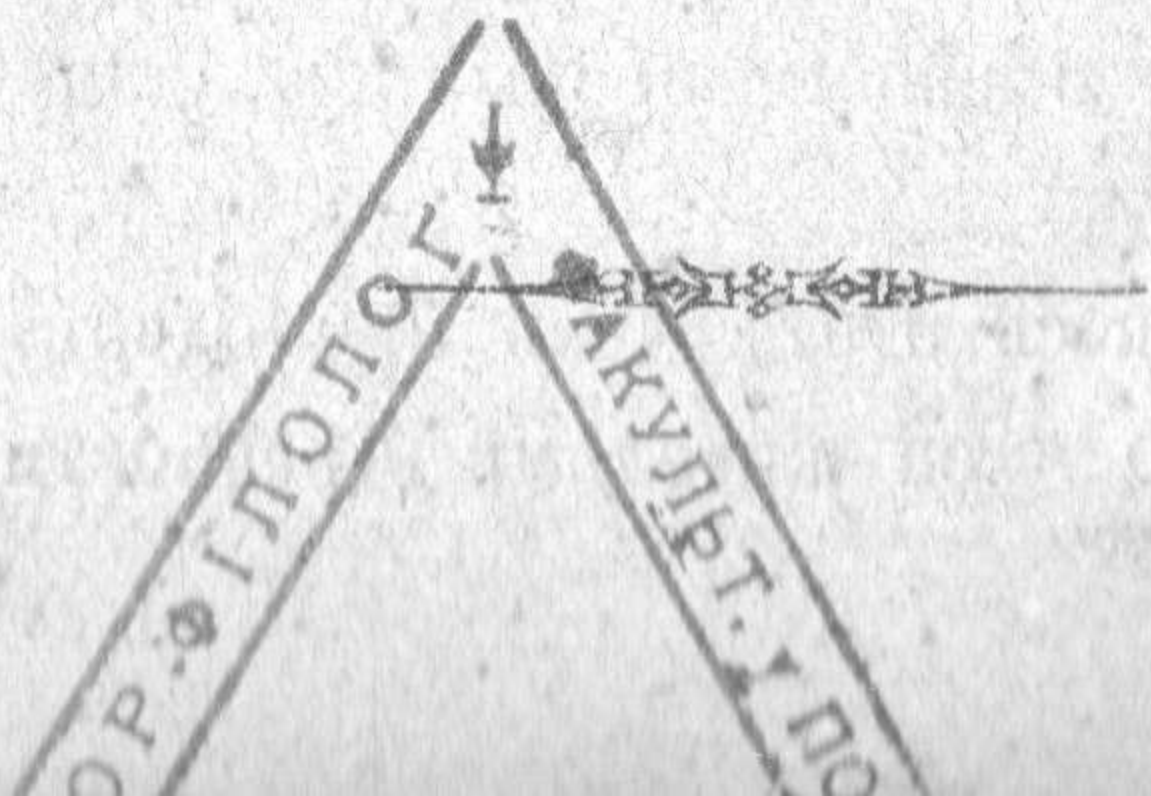
Вотъ отчего мы весь этотъ день проходили по селу, знакомясь съ Капуловкою и ея жителями. Древности всякаго рода,

у кого онѣ были, показывались намъ непринужденно и обыкновенно уступались за небольшую плату. Попало къ намъ нѣсколько предметовъ запорожскаго быта: рукоятка кинжала, наконечникъ „спыса“ и пр.

Осмотрѣли мы Капуловскія хаты, которыя въ архитектурномъ отношеніи и по убранству не отличаются отъ хатъ, обыкновенно встрѣчающихся въ Полтавщинѣ, откуда преимущественно и переселились въ Капуловку предки нынѣшнихъ жителей этой деревни. Большинство Капуловцевъ, несмотря на благоприятныя природныя условія мѣстности, крайне бѣдны. Объясняется это тѣмъ, что здѣшніе крестьяне не привыкли смотрѣть на хлѣбопашество, какъ на главную статью хозяйства, и ведутъ въ большинствѣ случаевъ незначительную запашку, чему способствуетъ отчасти и 4-хъ—десятинный надѣлъ ихъ, занимающій неполнѣ удобную для хлѣбопашества землю. Прежде имъ свободнѣе было заниматься рыбною ловлею и охотой, а также пользоваться топливомъ и сухимъ кормомъ для скота изъ Великаго луга, въ которомъ къ тому-же въ прежнее время и выпасы для скота были вольны. Въ послѣднее десятилѣтіе экономическія условія для капуловцевъ значительно измѣнились къ худшему: всѣ рыбныя ловли заарендованы, охота не свободна, за каждую копну осоки нужно платить, и выпасы обходятся дорого... Хозяйства Капуловцевъ въ настоящее время переживаютъ кризисъ вслѣдствіе невозможности получать обезпеченіе изъ Великаго Луга и непреодолимой трудности для большинства капуловскихъ хозяйствъ обезпечить себя хлѣбопашествомъ въ размѣрѣ, достаточномъ для удовлетворенія текущихъ нуждъ.

Въ послѣдній день нашего пребыванія въ Капуловкѣ Федосій Ткаченко устроилъ званый вечеръ, на который онъ пригласилъ сосѣдей съ козацкой, какъ онъ выразился, „удачей“. Пѣли старыя козацкія пѣсни, одну изъ которыхъ въ новомъ варіантѣ мы помѣстимъ въ слѣдующей книжкѣ.

Л. Надалка.

Handwritten notes on the right page, including the date '1894' and various illegible scribbles and fragments of text.